

Майн Рид

БЕЛЫЙ ВОЖДЬ
♦
КВАРТЕРОНКА,
ИЛИ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
НА ДАЛЬНОМ ЗАПАДЕ

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Р 49

Mayne Reid
THE WHITE CHIEF: A LEGEND OF NORTHERN MEXICO.
THE QUADROON, OR A LOVER'S ADVENTURES IN LOUISIANA

Перевод с английского
Э. Березиной, Раисы Облонской, Елизаветы Шишмаревой,
Валентины Курелла

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

Иллюстрации
Игоря Ильинского, Петра Луганского

ISBN 978-5-389-33389-5

© Э. Березина (наследник), перевод, 2026
© В. Н. Курелла (наследник), перевод, 2026
© Р. Е. Облонская (наследник), перевод, 2026
© Е. М. Шишмарева (наследник), перевод, 2026
© И. А. Ильинский (наследник), иллюстрации, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ГЛАВА I

Это случилось в глубине Американского континента, более чем за тысячу миль от обоих океанов.

Поднимитесь со мною вон на ту гору и со снеговой вершины посмотрите вокруг.

Вот мы уже на самом высоком гребне. Что же мы видим?

На север, пересекая тридцать параллелей, до самых берегов Северного Ледовитого океана тянутся горы. Они беспорядочно громоздятся и на юге: цепи их то расходятся, то сплетаются в узел. И на западе тоже горы; их неровные очертания четко вырисовываются в небе, а у подножий раскинулись широкие плоскогорья.

А теперь обернемся на восток. Ни одной горной вершины! Ни одной — на сколько хватает глаз и еще на тысячи миль. Вон та темная линия, встающая на горизонте, — это лишь скалистый край другого плоскогорья, такой же прерии, только чуть приподнятой над уровнем моря.

Где же мы? На какой вершине? На Сьерра-Бланка, которую охотники называют «Испанский пик». На западной окраине Великих равнин. На востоке глаз не встречает никаких признаков цивилизации. Можно ехать целый месяц и все равно не встретить их. На севере, на юге — лишь горы да горы.

Не то на западе. В подзорную трубу нетрудно разглядеть вдалеке возделанные поля, протянувшиеся вдоль берегов сверкающей на солнце реки. Это поселения Новой Мексики, оазис, питаемый водами Рио-дель-Норте. Но события, о которых пойдет речь, развернулись не здесь.

Взгляните снова на восток — и место действия будет перед вами. От подножия горы, на которой мы стоим, простирается далеко на восток плоскогорье. Здесь нет предгорий, оно вплотную

подходит к горному кряжу; один шаг — и под ногами уже не ровная земля, а скалистый, поросший сосною склон.

Плоскогорье это не назовешь однообразным. Местами, где разрослась высокая густая трава, оно ярко-зеленое, но большая часть его бесплодна, точно пустыня Сахара. Вот лежит бурая, выжженная солнцем земля, на которой не видно ни травинки, а там — рыжие пески, а еще дальше все бело, как снег, покрывающий вершину, на которой мы стоим, — это на поверхность проступила соль.

Скудная растительность не одевает землю зеленым нарядом. Листья агавы испещрены багровыми пятнами, тусклая зелень кактусов кажется еще безжизненнее оттого, что они сплошь покрыты колючками. Острые листья юкки посерели от пыли и напоминают связки заржавленных штыков; низкорослая, чахлая акация почти не дает тени, и под ней едва могут укрыться большие темные ящерицы и гремучие змеи. То тут, то там одиноко стоит карликовая пальма с голым стволом и пучком листьев на вершине; она придает пейзажу что-то африканское. Глаз всегда быстро устает от картины, где предметы кажутся угловатыми и колючими, а здесь так выглядят не только деревья, но и все растения, и даже у каждой травки свои шипы.

С какой радостью обращаешь взгляд к чудесной долине, уходящей к востоку от подножия горы! Как не похожа она на это бесплодное плоскогорье! Она сплошь устлана ковром яркой зелени, усеянным цветами, которые сверкают всеми красками, словно драгоценные камни. Так и манят к себе тенистые рощи, где сплетаются ветвями тополь, китайское дерево, дуб, ива. Спустимся же под их сень.

Вот мы и у края плоскогорья, а долина все еще далеко внизу, до нее по меньшей мере тысяча футов, но со скалы, которая нависает над нею, можно окинуть взглядом всю ее на многие мили. Она такая же плоская, как и плоскогорье, лежащее выше; и, глядя на нее сверху, представляешь себе, что здесь земная кора раздалась и часть плоскогорья, опустившись, коснулась самых истоков животворной силы земли, которой лишено высокое плоскогорье.

По обе стороны долины, на сколько хватает глаз, протянулись отвесные скалы; они спускаются крутыми тысячефутовыми уступами и почти неприступны; взобраться на них можно лишь в некоторых местах. Ширина долины десять миль, а каменные стены, ограждающие ее, одинаковой высоты и похожи друг на друга,

как близнецы. Мрачные и дикие, нависают они над приветливой, сияющей долиной, и она напоминает прекрасную картину в грубой, топорной раме.

Река делит долину надвое; серебряной змейкой прихотливо извивается она то вправо, то влево, словно ей любо струиться меж этих ярких, веселых берегов. Бесконечные изгибы, спокойное течение свидетельствуют о том, что ложе ее почти совсем гладкое. Берега поросли лесом, но не сплошь: здесь он тянется широкой полосой, там по самому краю стоят редкие деревья, едва затеняя реку, а вон виднеется зеленый луг — он сбежал к самой воде.

Повсюду разбросаны небольшие рощи. Они все разные: одни совсем круглые, другие — продолговатые или овальные, а третьи изогнуты, как рог изобилия. Кое-где деревья растут в одиночку; их пышная крона говорит о том, что природа не пожалела на них сил. Эта долина — словно прекрасный парк, насаженный рукою человека, и деревьев здесь как раз столько, чтобы украсить парк, не скрывая его прелести.

Неужели здесь нет дворца или замка, который бы дополнил картину? Нет ни дворца, ни какого-либо жилища; ни единый дымок не поднимается к небу. Ни души не видно в этом диком раю. Здесь бродят стада оленей, в тенистых рощах отдыхают величественные лоси, но людей здесь нет. Быть может, нога человека никогда...

Но нет! Наш спутник говорит совсем другое. Слушайте.

Это долина Сан-Ильдефонсо. Сейчас она необитаема, но было время, когда ее населяли цивилизованные люди. Почти посередине долины там и тут видны какие-то беспорядочные груды. На них буйно разрослись сорные травы, деревья, но взгляните — и вы поймете, что это развалины города.

Да, когда-то на этом месте был большой, богатый город. Здесь стояла крепость, и на башнях ее реял испанский флаг. Была здесь и миссия, основанная отцами иезуитами, а по всей долине, вокруг города, селились богатые владельцы рудников и асиенд. Всюду деловито сновал народ, всюду кипели страсти — любовь и ненависть, честолюбие, алчность и месть. Сердца, горевшие ими, давно уже перестали биться, и дела, ими порожденные, ни один летописец не запечатлел на бумаге. Они живут лишь в рассказах, в легендах, похожих более на вымысел, чем на быль.

И однако, этим легендам не больше ста лет. Сто лет назад с вершины этой горы можно было увидеть не только поселение Сан-Ильдефонсо, но и еще множество городов, поселков, деревень, а ныне на месте их не заметишь и следов человеческого жилья. Самые имена этих городов забыты, и их история погребена среди развалин.

Индейцы жестоко отомстили убийцам Монтесумы¹. Если бы саксы позволили этой войне, этой мести бушевать еще столетие... нет, даже полстолетия, от потомков Кортеса и от его воинов-завоевателей не осталось бы и следа на земле Анауака².

Слушайте же «Легенду Сан-Ильдефонсо»!

ГЛАВА II

Пожалуй, ни в одной стране нет такого множества религиозных праздников, как в Мексике. Считается, что церковные праздники помогают обратить местное население в христианскую веру, поэтому на мнимой святой мексиканской земле праздников видимо-невидимо. Редкая неделя обходится без праздника со всей его бьющей в глаза пышностью: тут и хоругви, и процессии, и священники в торжественном облачении, точно для представления «Писарро»³, и духовые ружья, и фейерверки, и повсюду обнажают головы и прямо в пыли преклоняют колена простодушные жители. Все вместе это очень напоминает лондонские шествия в память Порохового заговора⁴ и почти столь же благотворно влияет на нравственность населения.

¹ *Монтесума* — вождь ацтеков в Мексике. Убит во время завоевания Мексики испанцами в 1520 году.

² *Анауак* — южная часть Мексиканского нагорья, область формирования союза ацтеков; по-ацтекски означает «страна у воды».

³ «*Писарро*» — принадлежащий знаменитому английскому драматургу Р. Б. Шеридану перевод пьесы немецкого драматурга А. Ф. Коцебу (1761–1819) «Испанцы в Перу».

⁴ *Пороховой заговор* — неудавшееся покушение католиков на английского короля Якова I в 1605 году. В день открытия сессии парламента, в подвале парламента инициаторы заговора собирались взорвать бочки с порохом. Заговор был раскрыт, а вожаки казнены. С тех пор долгое время в день раскрытия заговора, 5 ноября, по Лондону носили чучело Гая Фокса — вожака заговорщиков.

Конечно, святые отцы затевают эти церемонии не просто для развлечения — вовсе нет. У них имеются в запасе разные небольшие молитвы, индульгенции¹, святая вода, и всем этим они во время праздников одевают верующих, притом отнюдь не безвозмездно; и когда несчастному грешнику приходит охота покаяться, его основательно обирают, зато обещают короткий и легкий путь прямо в рай.

Казалось бы, церемонии эти должны быть исполнены торжественности — ничуть не бывало. Они становятся, в сущности, просто развлечением. Зачастую увидишь коленопреклоненного богомольца, который изо всех сил старается унять боевого петуха, спрятанного в складках серапе и порывающегося закукарекать. И это — под священными сводами храма Господня!

В дни празднеств богослужения длятся недолго, а затем вступают в свои права азартные игры, скачки, травля медведей собаками, петушьи бои и другие столь же неприхотливые забавы. Среди игроков можно встретить и священника в сутане, который утром читал молитвы, и, если угодно, можно поставить доллар или дублон против его монеты.

Один из самых торжественных и пышных праздников в Мексике — день святого Иоанна. В этот день, особенно в селениях Новой Мексики, никто не остается дома. Нарядные толпы направляются куда-нибудь, обычно на соседний луг, полюбоваться самыми разными состязаниями: скачками, погоней за быком, петушьями гонками. В перерывах играют в карты, курят, любезничают с девушками.

В дни празднеств устанавливается некое подобие равенства, точно при республике. Богатый и бедный, знать и простолюдин — все смешались в толпе, все развлекаются вместе.

Сегодня день святого Иоанна. На широком зеленом лугу, что раскинулся за окраиной города, собрались жители Сан-Ильдефонсо. Здесь по праздникам всегда происходят игры, и скоро они начнутся. А пока давайте побродим в толпе и посмотрим, из кого она состоит.

Тут представлены все слои общества, вернее, все здешнее общество.

¹ *Индульгенция* — папская грамота об отпущении грехов; индульгенции продавались католической церковью за деньги.

Вот торопливо идут два тучных святых отца из миссии, в сутанах грубой саржи, с четками и крестами, свисающими до колен; у обоих блестят тщательно выбритые тонзуры. Индейцу-апачи не удалось бы пожитья их скальпами.

А вот священник городской церкви в длинной черной сутане, в широкополой шляпе, в черных шелковых чулках и туфлях с пряжками — его сразу заметишь. Он то милостиво улыбнется, то метнет в толпу хитрый и злобный взгляд, то, помогая вновь прибывшей сеньоре занять место, выставит напоказ холеные, унизанные перстнями пальцы. Поистине они великие дамские угодники, эти непорочные служители мексиканской церкви.

Мы подошли к скамьям, которые поднимаются амфитеатром, в несколько рядов. Посмотрим, кто здесь расположился. С первого взгляда ясно, что это цвет общества, местная аристократия. И в самом деле, вот богатый негодант дон Хуан Ринкон со своей дородной супругой и четырьмя пухлыми дородными дочерьми. Здесь же супруга алькальда и все его семейство; и сам алькальд с украшенными кистями жезлом — знаком его достоинства; и девицы Эчевариа — прелестные создания (как они сами полагают) в сопровождении брата-щеголя, который отверг национальный костюм ради парижской моды. Здесь и богатый

асиендадо¹ сеньор Гомес дель Монте, обладатель бесчисленных стад и обширного поместья в долине; здесь и многие другие землевладельцы с женами и дочерьми. И тут же — привлекающая все взоры прекрасная Каталина де Крусес, дочь богатого владельца рудников дона Амбросио.

Счастлив будет тот, кто завоюет улыбку Каталины, или, вернее, благосклонность ее отца, ибо это он скажет решающее слово, когда дело дойдет до замужества дочери. Впрочем, по слухам, все уже слажено и удачливый претендент на руку Каталины — капитан Робладо, первое после коменданта лицо в крепостном гарнизоне. А вот и он сам — лихой усач; грудь и спина у него в золотых галунах и шнурах; он свирепо хмурит брови, стоит только кому-нибудь заглядеться на прекрасную Каталину. Но хоть у него и золотые галуны и гордый вид, а этот выбор едва ли свидетельствует о хорошем вкусе Каталины.

Впрочем, ее ли это выбор? Быть может, нет; быть может, это выбор дона Амбросио. Честолюбивые мечты завладели им: плебей по рождению, он решил породниться с благородным идалго. У капитана нет ни гроша за душой, если не считать его солдатского жалованья, да и оно уже взято за несколько месяцев вперед,

¹ Асиендадо — владелец асиенды, крупного поместья.

зато он настоящий *cachupin*¹ — в его жилах течет голубая кровь подлинного идадьго. В своих честолюбивых мечтах старый скряга неоригинален, их разделяют все выскочки.

Тут же стоит комендант Вискаarra, высокий сорокалетний полковник, весь в галунах, в шляпе с перьями — настоящий павлин.

Это веселый старый холостяк. Он оживленно переговаривается то с отцом иезуитом, то с городским священником, то с алькальдом, а тем временем оглядывает крестьянских девушек, прибывших на праздник, и глаза его перебегают с одного смазливового личика на другое. Девушки с изумлением смотрят на его ослепительный мундир, а ему, воображающему, что он второй Дон-Жуан, в их взглядах чудится восхищение, и он любезно и снисходительно улыбается им в ответ.

Здесь и третий офицер — в крепости их всего три, — лейтенант Гарсия. Он красивее старших офицеров, а потому пользуется большим успехом и у крестьянских девушек, и у богатых и знатных сеньорит. Я, право, удивлен, что прекрасная Каталина не отдала ему предпочтения. Впрочем, кто поручится, что она этого не сделала? В Мексике женщина умеет хранить тайны своего сердца — их не прочтешь на ее лице, и они нелегко слетают с языка.

Не так-то просто сказать, о ком сейчас думает Каталина. В ее годы — а ей двадцать лет — сердце редко бывает свободным. Но кто же он? Робладо? Готов держать пари, что нет. Гарсия? Тут, во всяком случае, можно спорить. Ну а кроме них, ведь есть еще и молодые асиендадо, и служащие на рудниках, и несколько городских щеголей-купцов. Ее выбор мог пасть на кого-нибудь из них. Как знать.

Побродим еще немного в толпе.

Вот солдаты гарнизона; их шпоры позванивают, сабли волочатся по земле, они по-братски смешались с толпой ремесленников в серапе, рудокопов, скотоводов из долин. Они подражают манерам офицеров и расхаживают с таким чванным, гордым видом, что сразу понимаешь: военные здесь — власть и сила. Это все уланы — пехота была бы бесполезна в борьбе с индейцами, — и они воображают, что громкий звон шпор и бряцание сабель еще больше возвышают их в глазах окружающих. Вояки бесцеремонно разглядывают девушек, а крестьянским парням не очень это

¹ *Cachupin* — испанец, переселившийся в Северную Америку (*исп.*).

по вкусу, и они ревниво следят за своими невестами и возлюбленными.

Все девушки, и хорошенькие, и некрасивые, надели ради праздника лучшие, самые яркие наряды. У одних юбки голубые, у других алые, у третьих пурпурные, чаще всего отделанные внизу пышными воланами, отороченными узкой тесьмой. Девушки носят вышитые кофточки с белоснежными оборками, а поверх с большим изяществом набрасывают иссиня-черные шали, закрывая шею, грудь, плечи, а иногда, из особого кокетства, и лицо. Но еще прежде, чем наступит вечер, этот покров будет уже не столь ревниво оберегать стыдливость своих хозяек. Из-за живописных складок уже выглядывают прелестнейшие личики, и по тому, как нежна их не тронутая загаром кожа, можно понять, что они лишь перед самым праздником смыли с лица ягодный сок, который уродовал их последние две недели.

Скотоводы тоже в своих лучших праздничных костюмах: на них бархатные, широкие внизу брюки с бахромой по бокам, ярко начищенные кожаные сапоги, куртки из дубленой овчины или бархатные, пестро расшитые, а под куртками вышитые рубашки, и все они опоясаны ярко-красными шелковыми шарфами. На головах широкополые черные блестящие сомбреро; тулья повязаны золотой или серебряной тесьмой, концы которой свободно свисают. У некоторых вместо куртки на плечи небрежно брошено серапе. Все держат в поводу коней, у всех на ногах шпоры весом в добрых пять фунтов, с колесиками, диаметр которых достигает трех, четырех, а то и пяти дюймов.

Служащие рудников, молодые горожане и мелкие ремесленники одеты почти одинаково; но те, кто принадлежит к сливкам общества, чиновники и коммерсанты, — в куртках из тонкого черного сукна и таких же панталонах своеобразного покроя, не совсем европейского, но вроде того, нечто среднее между парижской модой и местным национальным костюмом.

А вот совсем другой костюм, его носят многие, очень многие в толпе — мирные индейцы, полуиндусы рудокопы, недавно приобщенные к святой церкви. Их одежда проста: прежде всего тильма — что-то вроде куртки без рукавов; если в мешке из-под кофе вырезать дыру, чтобы проходила голова, а с боков сделать прорезы для рук, это и будет тильма. У этой куртки нет никакого подобия талии, она бесформенная, держится на плечах и свисает поч-

ти до самых бедер. Обычно тильму шьют из грубой шерстяной ткани деревенской выделки; она белесая, и лишь несколько цветных полос украшают ее. Прибавьте к этому штаны из дубленой овчины и грубые сандалии — вот и вся одежда мексиканского мирного индейца. Голова его не покрыта, медно-красные ноги обнажены от колен до щиколоток.

Сотни краснокожих местных жителей — пеонов¹, работающих в миссии и на рудниках, — расхаживают взад и вперед, а их жены и дочери сидят на корточках на земле. Перед ними на циновках разложены плоды и фрукты, — все, какие родятся в этом краю: фиги, питахайя, сливы, абрикосы, виноград, арбузы и дыни всех сортов, жареные кедровые орехи, которые приносят сюда горцы. Кое-кто торгует с лотка сладостями, медовым напитком, лимонадом; другие продают небольшие головы жженого сахара или жареные корни агавы. Иные уселись на корточках перед огнем и жарят маисовые лепешки или красный перец или размешивают прессованное какао с сахаром в глиняном горшке, похожем формой на старинную урну. У этих жалких торговцев можно купить за несколько мелких монет порцию густого наперченного тушеного мяса, тарелку маисовой похлебки или чашку маисового напитка. У владельцев других лотков можно купить маленькую дешевую сигару или выпить огненную агвардиенте, доставленную сюда из Таоса или Эль-Пасо. Здесь-то больше всего теснятся вечно мучимые жаждой рудокопы и солдаты. Здесь нет палаток, но почти все торговцы пристроили над головой пальмовые циновки, которые, точно огромные зонтики, заслоняют их от солнца.

Надо сказать еще об одном разряде присутствующих на празднике святого Иоанна, разряде немаловажном: это участники состязаний, те, кто будет оспаривать первенство в играх.

Все это молодые люди из самых разных слоев общества, все, разумеется, верхом, и каждый постарался раздобыть наилучшую лошадь. Вот они гарцуют, заставляя своих пестро убранных коней выделять самые неожиданные прыжки и скачки, особенно когда проезжают мимо скамей, занятых юными сеньоритами. Тут и рудокопы, и молодые асиендадо, и скотоводы, и пастухи, и охотники на бизонов, и торговцы, и все они отлично держатся в седле.

¹ Пеоны — сельскохозяйственные рабочие, находящиеся в полурабской зависимости от помещика.

В Мексике каждый великолепно ездит верхом, даже горожане — прекрасные всадники.

Здесь около сотни юношей, готовых помериться силами, показать себя во всевозможных играх, требующих ловкости в искусстве верховой езды.

Так пусть же начнутся состязания!

ГЛАВА III

Состязания начались с coleodeltoro, что означает: погоня за быком. Арена для настоящего боя быков существует только в крупнейших городах Мексики; но в каждой, даже самой маленькой деревушке можно видеть гонку за быками, ведь для этой игры только и требуется что открытое место и свирепый бык. Спорт этот не так возбуждает страсти, как бой быков, — ведь он не так опасен для участников. Однако и тут нередко бык поднимает на рога лошадь или калечит всадника, а бывают и смертельные случаи. Иной раз споткнется лошадь, а ее вместе со всадником затопчут те, кто мчался следом; в такой беспорядочной гонке несчастные случаи — дело обычное.

Итак, coleo — это состязание в силе, мужестве, ловкости, и каждый юноша в Новой Мексике стремится выйти победителем.

Все приготовления закончились, и глашатай объявил, что состязания сейчас начнутся. Приготовления были просты: толпу оттеснили в сторону, так что быку, выпущенному на свободу, теперь открыта дорога в прерию. Если б ему не предоставили это преимущество, он мог бы броситься на толпу, а это опасно. В страхе перед этим многие женщины взобрались на повозки, которых здесь множество, так как в них-то многие и прибыли сюда. Сеньоры же и сеньориты, сидящие на возвышающихся амфитеатром скамьях, разумеется, чувствовали себя в безопасности.

Соперники уже выстроились в ряд. В этой первой гонке должны участвовать двенадцать человек — юноши из самых разных сословий, которые были или воображали себя первоклассными наездниками. Здесь скотоводы в живописных костюмах, дерзкие погонщики, спустившиеся с гор рудокопы, горожане, земледельцы из долины, пастухи со скотоводческих ферм, охотники на

бизонов, чей дом — бескрайняя прерия. Тут же и несколько уланов, жаждущих доказать, что никто не сравнится с ними в искусстве владеть конем.

Дан сигнал, и быка выпускают из кораля. Было бы безумием приставить к нему пеших погонщиков — его сопровождают пастухи верхом на хороших конях, их лассо обвилились вокруг его рогов; они начеку и, если бык попыбует взбунтоваться, тотчас рывком опрокинут его наземь.

С виду бык — злобное чудище, лоб у него косматый, взгляд свирепый и мрачный. Ясно, что его не придется долго дразнить, чтобы он вконец рассвирепел, — он уже и сейчас сердито хлещет себя хвостом по бокам, бодает воздух прямыми длинными рогами, отрывисто фыркает и нетерпеливо бьет землю копытом. Как видно, он один из самых неистовых представителей неистовой породы испанских быков.

Зрители не сводят глаз с быка и громко обсуждают его достоинства. Одни находят его слишком жирным, другие утверждают, что он как раз в хорошей форме для гонок: ведь для *soleo* бык должен быть не столько храбрым, сколько быстроногим. Не сойдясь во мнениях, многие заключают пари, спорят, сколько времени пройдет от старта до той минуты, когда быка схватят и опрокинут, — этим кончается погоня, это и есть цель игры.

Бык выбран на славу, сильный, быстрый, неистовый, а преследователь должен справиться с ним голыми руками, даже без помощи лассо, — задача нелегкая. Бык несется во весь опор, почти со скоростью конского галопа. Чтобы опрокинуть его наземь, нужно совершить подвиг, на который способен лишь превосходный наездник, обладающий к тому же силой и ловкостью. Подвиг своеобразный: надо схватить быка за хвост и одним рывком повалить.

Быка отвели ярдов на двести от линии всадников и здесь остановили; перед ним расстилалась прерия. Лассо, с помощью которого его удерживали, осторожно снимают, делают два-три выстрела из духового ружья, острые колючки вонзаются в круп быка — и вот он уже мчится прочь под громкие крики зрителей.

Миг — и всадники, пришпорив коней, с криками скачут за ним.

Строй сломан, преследователи в беспорядке рассеялись по лу-гу, точно это охота на лис. С каждой минутой цепь преследовате-

лей становится длиннее; они начинали гонку, выстроившись в ряд, а сейчас растянулись по одному, по двое на сотни ярдов. И однако, они продолжают погоню, изо всех сил нахлестывают, прищипывают, погоняют коней.

Доведенный до бешенства острыми, как стрелы, колючками, вонзившимися ему в бока, напуганный свистом их оперения, бык мчится вперед. Даже на самом быстром скакуне не так-то легко свести на нет фору, которую он получил вначале, и прежде чем кто-либо успел приблизиться к нему, он опередил всех на добрую милю. Но вот улан на крупной гнедой лошади нагнал его и наконец схватил за хвост. Он дернул раз, другой, надеясь, что одной лишь силы его рук довольно, чтобы опрокинуть животное, но это ему не удалось — через мгновение бык вырвался, кинулся в сторону и оставил своего преследователя позади.

Теперь быка настигал молодой асиендадо на великолепном коне; но всякий раз, как он пытался ухватить быка за хвост, тот ускользал у него прямо из-под носа. Наконец всаднику все же удалось завладеть хвостом, но бык неожиданно рванулся в сторону, выдернул хвост из рук врага и был таков.

Одно из условий *soleo* гласит: тот из участников, кто раз потерпел неудачу, выходит из игры. Итак, асиендадо и кавалерист уже не участвуют в погоне. Они повернули назад, но не туда, где собрались зрители. Они поехали стороной, подальше, чтобы никто не мог прочесть на их лицах всю глубину их разочарования.

Бык мчался все дальше, нетерпеливые, разгоряченные погоней всадники — за ним. Еще один улан попытался схватить быка и тоже потерпел неудачу, за ним пастух, и еще всадник, и еще — все также безуспешно, и каждую неудачу толпа встречала вздохом разочарования. Несколько человек вылетели из седла, и зрители громко хохотали над ними. А одна лошадь была тяжело ранена: она оказалась у быка на дороге, и он пропорол ее рогами.

Не прошло и десяти минут, а из двенадцати всадников одиннадцать уже выбыли из игры.

Теперь один лишь продолжает погоню. Бык оказался хоть куда, он завоевал все симпатии, и зрители громко рукоплещут ему.

— Bravo! Брависсимо! — несется со всех сторон.

Теперь все глаза прикованы к разъяренному животному и к его единственному преследователю. Оба они сейчас довольно

близко, и их можно хорошо разглядеть — ведь до сих пор бык уходил от погони не напрямик, все дальше в прерию, но бросался то вправо, то влево, и теперь расстояние между ним и толпой не больше, чем тогда, когда его настиг первый кавалерист. Он и сейчас кидается из стороны в сторону, так что оба они — преследователь и преследуемый — хорошо видны со скамей.

С одного взгляда на этого всадника и коня было ясно: здесь нет равных им по красоте. Превзойдут ли они всех также в быстроте и ловкости? Время покажет.

Конь этот — крупный угольно-черный мустанг с длинным, пышным хвостом, суживающимся к концу, точно хвост бегущей лисы. Хотя он и мчится галопом, на ровном фоне луга хорошо видно, какая у него выгнутая шея и великолепная, гордая стать, и зрители разражаются восторженными криками.

Всаднику лет двадцать, он несколько не похож на своих соперников: у него светлые вьющиеся волосы и белая кожа с нежным румянцем; остальные же все без исключения смуглолицы. На нем праздничный костюм скотовода, богато расшитый и украшенный, а вместо обычного серапе пурпурный плащ, изящный и нарядный. Длинные полы плаща закинута назад, чтобы руки оставались свободными, и он развевается на ветру и падает мягкими складками, подчеркивая изящество, с которым всадник держится в седле.

Внезапное появление этого великолепного всадника — вначале он держался позади всех, перекинув алый плащ через руку, и был незаметен — привлекло общее внимание, и многие спрашивают, кто же он такой.

— Это Карлос, охотник на бизонов! — крикнул кто-то достаточно громко, так что его услышали все.

Кое-кому, видимо, это имя известно, но большинство слышит его впервые. Один из тех, кто знал его, спросил:

— А почему Карлос раньше не вырвался вперед? Ведь он мог бы нагнать быка, если бы захотел.

— Черт побери! Конечно мог! — отозвался другой. — Он нарочно держался позади, чтобы дать другим попытать счастья. Он знал, что с этим быком никому не справиться. Смотри-ка!

Говоривший, без сомнения, был прав.

С первого взгляда стало ясно, что этот всадник без труда мог настичь быка. Даже и сейчас его лошадь шла спокойным галопом, и хотя уши ее были насторожены, а розовые ноздри раздувались, это было знаком не усталости, но возбуждением погони и недовольства тем, что до сих пор всадник не давал ей воли. И в самом деле, он все еще туго натягивал поводья.

В ту секунду, когда один из собеседников взволнованно воскликнул: «Смотри!», поведение всадника вдруг изменилось. Он был примерно в двадцати шагах от своей живой цели и прямо позади нее. Внезапно лошадь рванулась вперед с удвоенной быстротой и в несколько скачков поравнялась с быком. Все видели, как всадник ухватился за длинный вытянутый бычий хвост, низко пригнулся, тотчас же резко выпрямился — и огромный рогатый зверь опрокинулся наземь. Всадник проделал все это с такой легкостью, словно одолел не быка, а обыкновенную кошку. Зрители разразились громкими криками «Viva». Победитель повернул коня, проехал мимо скамей, скромно раскланиваясь, и скрылся в толпе.

Среди зрителей немало было таких, которым показалось, будто, пока победитель раскланивался, взор его был обращен к прекрасной Каталине де Крусес; а некоторые даже уверяли, что она улыбнулась ему в ответ и, видимо, была польщена. Но это, разумеется, невозможно. Неужели наследница богача дона Амбросио ответит улыбкой на поклон какого-то охотника!

Но нашлась среди зрительниц одна, которая и в самом деле улыбнулась ему. Это была белокурая девушка с очень светлой кожей; она стояла в повозке, к которой подъехал победитель. И сейчас, когда они оказались рядом, видно было, что они похожи друг на друга как две капли воды. В их жилах текла одна кровь, кожа их была одного цвета, они были дети одного народа, а быть может, и одного отца. Да, белокурая девушка была сестрой охотника на бизонов. Она улыбалась, счастливая победой брата.

В глубине повозки сидела женщина, чья внешность сразу останавливала внимание, — старая, с длинными распущенными волосами, белыми как снег. Она не произнесла ни слова, но ее пристальный взгляд, обращенный на Карлоса, горел торжеством. Некоторые смотрели на нее с любопытством, но большинство — со страхом, почти с ужасом. Они кое-что знали о ней и шепотом передавали друг другу странные слухи.

— Она колдунья! — говорили они. — Ворожея!

Люди говорили это потихоньку, вполголоса — из опасения, как бы не услышали Карлос или светловолосая девушка. Ведь то была их мать!

ГЛАВА IV

Игры продолжались. Бык, побежденный Карлосом, совсем присмирел и угрюмо бродил по лугу. Он уже не годился для участия во втором туре состязаний, на него накинули лассо и увели: это приз, его отдадут победителю.

Вывели другого быка и пустили, и новый десяток всадников кинулся за ним по пятам.

На этот раз дичь и ее преследователи были больше под стать друг другу — вернее, бык оказался не таким быстроногим: все разом нагнали его и в неудержимой скачке промчались далеко вперед. Но вдруг бык круто повернул и кинулся прямо к зрителям. Перепуганные крестьянки в повозках, сеньоры и сеньориты на скамьях подняли крик. И неудивительно: еще мгновение — и разъяренный зверь окажется здесь, среди них!

А всадники где-то позади. Необходимость на всем скаку повернуть обратно застала их врасплох, и теперь бык далеко опередил их. Даже самые ближние не могли поспеть вовремя.

Все остальные наездники уже спешили. А кто же пеший осмелится преградить дорогу мчащемуся во весь опор разъяренному быку!

Мужчины растерялись; их громкие крики смешались с отчаянными воплями охваченных ужасом женщин. Будут жертвы. Быть может, не одна. Каждый боялся, что его вот-вот настигнет смерть.

Повозки, полные перепуганных насмерть женщин, выстроились рядами по обе стороны скамей и тянулись дальше к лугу, образуя нечто вроде полукольца. Вот бык уже в этом полукруге, повозки не дают ему свернуть ни вправо, ни влево, и он бешено мчится прямо к скамьям, словно решил прорваться через них. Женщины вскочили и, обезумев от страха, кажется, готовы прыгнуть на рога чудовища. Ужасная минута!

Рид М.

Р 49 Белый вождь : Северомексиканская легенда ; Квартеронка, или Приключения на Дальнем Западе : романы / Майн Рид ; пер. с англ. Э. Березиной, В. Курелла, Р. Облонской, Е. Шишмаревый. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 640 с. : ил. — (Мир приключений. Большие книги).

ISBN 978-5-389-33389-5

Английский писатель Майн Рид — признанный классик приключенческой литературы. Захватывающие сюжеты его произведений, сочетающие элементы вестерна, детектива, мистики, исторического романа и романтической прозы, были вдохновлены событиями и местами, с которыми писатель знакомился во время своих путешествий по США и Мексике, а также в ходе Американо-мексиканской войны, в которой он принимал участие. Герои Майн Рида — отважные искатели приключений, охотники, путешественники, люди, способные на сильные чувства и готовые на риск и подвиг во имя любви, справедливости и свободы.

В настоящее издание, украшенное иллюстрациями мастеров советской книжной графики Петра Луганского и Игоря Ильинского, вошли произведения, относящиеся к лучшим образцам творчества Майн Рида.

Действие романа «Белый вождь» разворачивается на фоне фантастических пейзажей Северной Мексики во времена, когда по просторам пампы вольно бродили стада диких бизонов и кочевали индейские племена. Это увлекательное повествование о захватывающих приключениях молодого охотника Карлоса, чье мастерство в искусстве верховой езды и укрощении быков, ярко продемонстрированное на праздновании дня святого Иоанна, привлекает внимание красавицы Каталины де Крусес — и порождает черную зависть в сердцах влиятельных соперников.

Роман «Квартеронка» повествует о запретной любви белого путешественника Эдварда и квартеронки Авроры. Чувство, зародившееся под щедрым солнцем Луизианы, поможет влюбленным преодолеть множество опасностей, выдержать тяжелые испытания и горечь разлуки и в конце концов одержать победу над предрассудками и бесчеловечными законами рабовладельческого общества.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

МАЙН РИД

БЕЛЫЙ ВОЖДЬ
Северомексиканская легенда

КВАРТЕРОНКА,
ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
НА ДАЛЬНОМ ЗАПАДЕ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Барламовой
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова, Валерия Макарова
Корректоры Полина Малышева, Полина Дроздовская, Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 30.06.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 39,2. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-MPB-42758-01-R